

На правах

рукописи

РЫКИН Павел Олегович

**МОНГОЛЬСКАЯ СРЕДНЕВЕКОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ ОБЩЕСТВА:
НЕКОТОРЫЕ КЛЮЧЕВЫЕ ПОНЯТИЯ**

(по материалам "Тайной истории монголов" и других среднемонгольских текстов)

Специальность 07. 00. 07

Этнография, этнология, антропология

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук**

Санкт-Петербург

2004

Работа выполнена на факультете этнологии Европейского университета в Санкт-Петербурге

Научные руководители: доктор исторических наук А. К. Байбурин,
кандидат исторических наук С. Г. Кляшторный

Официальные оппоненты: доктор исторических наук Е. И. Кычанов,
кандидат исторических наук С. В. Дмитриев

Ведущая организация: восточный факультет Санкт-Петербургского государственного университета

Защита состоится 17 июня 2004 г. в.....час. на заседании диссертационного совета Д 002. 123. 01 по защитам диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН по адресу: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке МАЭ РАН

Автореферат разослан..... // 2004 г

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат исторических наук

А. И. Терюков

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. В социальных науках разрабатываются два альтернативных и взаимодополняющих теоретических подхода к изучению общества. Первый из них – вслед за французским ученым П. Бурдьё¹ назовем его "социальной физикой" – трактует общество как систему объективно существующих социальных институтов, независимых от сознания людей, чью коллективную жизнь они организуют. При таком подходе общество описывается с некоторой внешней, заранее заданной точки зрения в соответствии с критериями, введенными аналитиком. Другой подход – "социальная феноменология"² – отталкивается от точки зрения людей внутри того или иного общества и сосредоточивается на изучении культурно детерминированных представлений, которыми они обладают в силу принадлежности к этому обществу. Описание общества в рамках такого подхода опирается на критерии, релевантные для самих социальных субъектов, а ведущим методологическим положением при этом служит т. н. "постулат субъективной интерпретации", согласно которому наука обязательно должна включать в свою предметную область субъективные значения, создаваемые людьми в процессе повседневного опыта с целью осмысления социальной реальности³. В современной научной литературе средневековое монгольское общество описывается исключительно с позиций социальной физики, что препятствует созданию его целостной и всесторонней теории, невозможной без учета обыденных субъективных представлений, которыми занимается социальная феноменология. В монголоведении представления средневековых монголов об обществе до сих пор остаются вне поля зрения исследователей. Актуальность настоящей работы обусловлена тем, что здесь они впервые поставлены в центр проблематики.

¹ Бурдьё П. Практический смысл. СПб.; М., 2001. С. 67.

² Там же.

³ См.: Schutz A. 1) Common-Sense and Scientific Interpretation of Human Action // Schutz A. Collected papers. 3rd unch. ed. The Hague, 1971. Vol. 1: The Problem of Social Reality. P. 3-47; 2) Concept and Theory Formation in the Social Sciences // Ibid. P. 48-66; ср. также: Уинч П. Идея социальной науки и ее отношение к философии. М., 1996 С. 67-68. Постулат субъективной интерпретации восходит к трудам М. Вебера (1864-1920), который видел задачу социальной науки в том, чтобы понять социальное поведение с точки зрения его субъектов, и в этой связи писал: "При толковании поведения необходимо принимать во внимание тот основополагающий факт, что коллективные образования... являют собой определенные представления в умах конкретных людей... о том, что отчасти реально существует, отчасти должно было бы обладать значимостью; на эти представления люди ориентируют свое поведение, эти коллективные образования имеют огромное, подчас решающее значение для поведения людей" (Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Исследования по методологии науки. М., 1980. С. 109). Центральная роль субъективных представлений во всех направлениях феноменологической (понимающей, интерпретативной) социологии объясняется тем обстоятельством, что данные направления базируются на методологических установках, сформулированных М. Вебером. Подробный анализ теоретических основ феноменологической социологии, в том числе, постулата субъективной интерпретации см.: Williams R. Les fondements phenomenologiques de la sociologie comprehensive: Alfred Schutz et Max Weber. La Haye, 1973.

Таким образом, объектом исследования служит совокупность представлений средневековых монголов о своем социальном мире; в дальнейшем она именуется *монгольской средневековой концепцией общества*. Изучать данную концепцию предлагается на основе свидетельств среднемонгольского языка, в плане содержания которого она нашла свое воплощение. Автор придерживается широко распространенного мнения, что язык выполняет функцию посредника между человеком и окружающим миром и одновременно выступает хранилищем знаний об этом мире, накопленных человеком в ходе познавательной деятельности. Человеческие знания о мире, в частности, об обществе отлагаются в семантике лексических и грамматических средств языка, используемого той или иной социокультурной системой; эти знания формируют содержание *языковой картины мира*, варьирующей от языка к языку. Понятие языковой картины мира (ЯКМ) подробно обсуждается во Введении. Концепция общества средневековых монголов рассматривается в диссертации как часть ЯКМ среднемонгольского языка, а ее лексическим выражением признается группа среднемонгольских слов, относящихся к социальной сфере. Как полагает автор, значения социальных терминов и заключают в себе культурно обусловленные представления об обществе, имевшиеся у монголов XIII-XIV вв.

Непосредственный предмет исследования составляют культурные представления, воплощенные в значениях пяти социальных терминов среднемонгольского языка – *ulus*, *irgen*, *oboq*, *uruq* и *haran*. Все они (за исключением *oboq*) обладают высокой частотностью употребления в среднемонгольских текстах и на этом основании могут быть отнесены к числу ключевых слов средневековой монгольской культуры⁴. Слово *oboq* привлекается к рассмотрению по причине его крайне интересного семантического устройства (гипероним для целого класса групповых названий) и в силу его повышенной значимости для современных дискуссий по вопросу о социальной организации средневековых монголов.

Цель исследования состоит в том, чтобы выявить культурные представления об обществе, отраженные в семантике указанных лексических единиц. Исходя из сформулированной цели, основными задачами исследования являются:

- эксплицировать значение данных социальных терминов и представить его в терминах семантического метаязыка;
- определить характер смысловых взаимосвязей выражаемых ими понятий, установить место последних в рамках среднемонгольской ЯКМ;
- опираясь на результаты проведенного анализа, выявить характерные черты монгольской средневековой концепции общества;

⁴ Концепция ключевых слов культуры принадлежит А. Вежбицкой. См.: Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М., 2001

- рассмотреть эвристическую ценность полученных результатов для создания целостной картины монгольского общества XIII-XIV вв., наметить пути дальнейшей разработки избранной проблематики и ее теоретического осмысления.

Источниками исследования выступает корпус дошедших до нас текстов XIII-XIV вв. на среднемонгольском языке: прежде всего, самый крупный из них – “Тайная история монголов” (ТИМ)⁵, а также письменные памятники меньшего объема – китайско-монгольские надписи-биллингвы, письма ильханов, монгольские переводы буддийской и конфуцианской канонической литературы, документы на квадратной письменности, монгольско-иноязычные и иноязычно-монгольские словари (СМТ)⁶.

Хронологические рамки исследования заданы датировкой используемых среднемонгольских текстов (начало XIII-конец XIV вв.).

Методы исследования. Опорным для диссертации является *дистрибутивный метод* семантического анализа, базирующийся на принципе обусловленности значения слова его употреблением в письменных и / или устных текстах. Полученные данные интерпретируются с помощью *метода компонентного анализа*, который позволяет представить значение слова в виде набора семантических компонентов (сем). К изучению семантически близких лексем (*ulus, irgen, haran*) активно привлекается *сопоставительный метод*. Вспомогательную роль играют *статистические методы*, которые служат установлению количественных закономерностей употребления языковых единиц, диагностирующих их семантические свойства.

Методологическую основу исследования образуют труды ряда крупных ученых, доказывавших фундаментальное влияние языка на мышление и культуру его носителей и раскрывавших механизмы формирования ЯКМ. Имеются в виду, в первую очередь, работы В. фон Гумбольдта⁷, Э. Сепира⁸, Б. Л. Уорфа⁹, Э. Бенве-

⁵ В диссертации использовано издание И. де Рахевильца: Rachewiltz I. de. Index to The Secret History of the Mongols. Bloomington, 1972.

⁶ Основные издания см.: Ligeti L. 1) Monuments preclassiques: 1. XIII et XIV siècles. Budapest, 1972; 2) Monuments en écriture ‘phags-pa. Pièces de chancellerie en transcription chinoise. Budapest, 1972; 3) Tresor des sentences: Subhāṣitaratnaḍḍhi de Sa-skya paṇḍita. Traduction de Sonom gara. Budapest, 1973; 4) Les douze actes du Bouddha: Arban qoyar jökiyangyui üiles de Chos-kyi ‘od-zer. Traduction de Šes-rab señ-ge. Budapest, 1974; Porne H. Н. Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб. М.; Л., 1938. Ч. 1-3; Die Weisse Geschichte (Čayan teilke): Eine mongolische Quelle zur Lehre von den Beiden Ordnungen Religion und Staat in Tibet und der Mongolei / Hrsg., übers. und komment. von K. Sagaster. Wiesbaden, 1976.

⁷ Гумбольдт В. фон. 1) Язык и философия культуры: Пер. с нем. М., 1985; 2) Избранные труды по языкознанию. Пер. с нем. 2-е изд. М., 2001.

⁸ Selected Writings of Edward Sapir in Language, Culture and Personality / Ed. by D. G. Mandelbaum. Berkeley: Los Angeles, 1949; Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии: Пер. с англ. 2-е изд. М., 2001.

ниста¹⁰, Л. В. Щербы¹¹; кроме того, учитываются отдельные идеи представителей когнитивного направления¹². Взгляды указанных исследователей вкратце излагаются во Введении.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что оно способно лечь в основу нового, феноменологического подхода к изучению средневекового монгольского общества, ориентированного на описание социокультурной системы с позиции ее субъектов, носителей наивных языковых представлений.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы при создании научных монографий и статей, посвященных социальной организации монголов XIII-XIV вв. Выполненные в диссертации семантические толкования среднемонгольских социальных терминов могут найти место в лингвистических описаниях и словарях среднемонгольского языка.

Научная новизна исследования. К новым результатам можно отнести: применение на монгольском материале феноменологического подхода к социальным явлениям; описание среднемонгольских социальных терминов с помощью методов структурной семантики; рассмотрение данных терминов под углом зрения ЯКМ среднемонгольского языка; демонстрация непригодности аналитических категорий родоплеменной гипотезы ("род", "племя", "линидж" и т. п.) для разрешения поставленных в диссертации вопросов.

Как вытекает из сказанного, проблематика исследования находится на пересечении двух научных дисциплин: этнологии и лингвистики.

Апробация исследования. Главы диссертации обсуждались на исследовательских семинарах факультета этнологии ЕУСПб (май 2002, декабрь 2002, июнь 2003) и на заседании сектора тюркологии и монголоведения СПбФ ИВРАН (октябрь 2003). Работа в целом была обсуждена и рекомендована к защите на заседании совета факультета этнологии ЕУСПб. Основные положения диссертации нашли отражение в ряде статей, список которых прилагается.

Структура диссертации. Диссертация состоит из Введения, трех глав, Заключения и библиографии.

⁹ Whorf B. L. *Language, Thought, and Reality: Selected Writings*. New York; London, 1956, Уорф Б. Л. 1) Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. 1960. Вып. 1. С. 135-168; 2) Наука и языкознание (О двух ошибочных воззрениях на речь и мышление, характеризующих систему естественной логики, и о том, как слова и обычаи влияют на мышление) // Там же. С. 169-182; 3) Лингвистика и логика // Там же. С. 183-198.

¹⁰ Бенвенист Э. *Общая лингвистика*. 2-е изд., стереотипное. М., 2002

¹¹ Щерба Л. В. *Языковая система и речевая деятельность*. Л., 1974.

¹² Lakoff G. *Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind*. Chicago, 1987; Taylor J. R. *Linguistic Categorization: Prototypes in Linguistic Theory*. 2nd ed. New York, 1995; Касевич В. Б. Буддизм. Картина мира. Язык. СПб., 1996

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении раскрывается актуальность темы, определяются объект и предмет исследования, намечаются его цели и задачи, формулируется теоретическая и практическая значимость работы. Здесь же излагаются методологические основы исследования, обсуждается круг вопросов о взаимоотношениях языка с мышлением, культурой и обществом, о способах формирования и структурном устройстве ЯКМ. Приводится характеристика источников диссертации и сжатое обоснование ее научной новизны.

Первая глава "Понятие *ulus*: 'люди' или 'государство'?" посвящена семантическому анализу среднемонгольской лексемы *ulus* и выявлению заключенного в ней культурного концепта.

Значение слова *ulus* неоднократно затрагивалось в монголоведении в связи с дискуссиями вокруг базовых принципов социальной организации средневековых монголов накануне и после возвышения Чингисхана. В главе излагаются важнейшие точки зрения на этот счет, в разное время высказывавшиеся монголоведами: "государство, удел", "объединение родов, поколений, племен", "народ-владение, народ-удел", "удел-владение", "люди" (Б. Я. Владимирцов); "федерация племен или племенных союзов" (О. Прицак); "совокупность подданных одного правителя", "коалиция различных племенных групп, рассматриваемая не с точки зрения своих членов... а с точки зрения правителя", "государство" (Г. Дёрфер); "образование государственного характера с единой военно-административной властью" (Е. И. Кычанов); "народ", "люди", "племя" (Т. Д. Скрынникова). Отвлекаясь от несущественных деталей, все перечисленные трактовки, по мнению автора, могут быть объединены в две группы: 1) *ulus* = 'люди' и 2) *ulus* = 'государство'. Каждый исследователь защищал одну из этих трактовок, с их помощью доказывая догосударственный или, напротив, государственный характер монгольского общества XIII-XIV вв.; некоторые ученые (напр., Б. Я. Владимирцов) колебались между обеими из них, что отражало двойственность их общетеоретической позиции. Таким образом, истолкование лексемы *ulus* осложнялось соображениями теоретического свойства, оказывавшими определяющее воздействие на его итоговые результаты.

В главе ставится задача проанализировать значение данной лексемы, ориентируясь только на то, чтобы раскрыть ее содержание в качестве элемента концепции общества средневековых монголов. Такая задача находится в компетенции лексической семантики, методы и терминология которой составили основу диссертации. Автор исходит из фундаментального для современной семантики методологического положения, которое гласит, что "«значение» лингвистической формы определяется всей совокупностью ее употреблений, ее дистрибуцией и

вытекающими из них типами связей¹³. Следовательно, только тщательный и непредвзятый анализ употреблений слова *ulus* в среднемонгольских текстах (ТИМ и СМТ) поможет ответить на вопрос о его действительном значении¹⁴.

Слово *ulus* в ТИМ встречается 103 раза. Оно входит в число самых употребительных социальных терминов среднемонгольского языка. Не все контексты употребления этого слова позволяют судить о его значении; для целей диссертации достаточно ограничиться теми, в которых семантические свойства ключевого слова актуализируются с большей или меньшей очевидностью.

Итак, *ulus* может "вставать лагерем" (*bawu*= 110¹⁵), "вставать лагерем в форме круга" (*güre'ele*= 144) и "зачехлять" (*qolo*= 110, 144); он выступает адресатом распоряжения (*jasaq*= 81); "отделившийся" (*qaqacaqsan* 96, 104, 208), "рассеявшийся" (*butaraqsan* 96, 104, 208) или "ушедший" (*odun baraqsan* 163, 163, 164, 164, *oduqsan* 164) *ulus* "соединяют" (*qamtutqa*= 96, 104, 208) и "собирают" (*bügütke||dū*= ~ *bugütgeldū*= 96, 104, 208, *quriya*= 73, 164, 167, 196, 212, 212); напротив, *ulus* можно "разделять" (*qubila*= 203) и "выделять" (*tawul*= 269); слово *ulus* заполняет объектное место при глаголах "захватить" (*dauli*= ~ *dawuli*= 109, 197), "огрбить" (*tala*= 208), "уничтожить" (*ülütke*= 208) и "прикончить" (*muqutqa*= 196); *ulus* способен "паниковать" (*sandur*= 110), испытывать "страдание" (*jobolang* 279) и сохранять "спокойствие" (*amuqulang* 280); в случае опасности он "спасает свою жизнь" (*ami-'an quro*= 177), "поднимается на возвышенности, чтобы укрыться" (*ündür etüget-tür qorura...qaru*= 190) и "сооружает укрепление" (*qorqala*= 198); *ulus* можно "каузировать стать спокойным" (*tübsitke*= 201), "каузировать стать честным" (*sidurqutqa*= 202, 224), "организовывать" (*bayi'ul*=, букв. 'каузировать стоять' 224, 254, 279); слово *ulus* реализует валентность субъекта при глаголах "лежать" (*gebte*= 254), "грабить" (*oljala*= 254), "нападать" (*görüle*= 254), "осиротеть" (*öñecire*= 272) и адресата при глаголе "давать" (*ök*= 279); *ulus* имеет "ноги" (*köl* 279, 281), "руки" (*qar* 279, 281), "жизнь" (*ami* 177), а также "войлочные стены" (*sisgei to'urqa* 202), "постели" (*orol* 254) и "одеяла" (*könjile* 254).

На основании этих и ряда других примеров без труда прочитывается фрагмент действительности, с которым соотносилось слово *ulus*. Речь, разумеется, идет о людях. То, что экстенционал у *ulus* представлял собой некоторое множество ('люди'), а не отдельно взятый объект ('человек'), ясно из сочетаемости данного слова с глаголами, обозначающими действия над множеством дискретных

¹³ Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 2002. С. 332.

¹⁴ Необходимо оговорить специальную терминологию, которая употребляется в диссертации. Автор следует принятому в семантике разделению общего понятия "лексическое значение" на две составляющие: *экстенционал* (множество называемых словом объектов действительности) и *интенционал* (выражаемый словом свойства всех элементов данного множества). Для обозначения отдельного элемента экстенционала, т. е. конкретного объекта, к которому отсылает слово в тексте, используется термин "референт".

¹⁵ Цифры указывают на номер параграфа ТИМ по изданию И. де Рахемильда.

единиц ('рассеиваться', 'выделять', 'соединять'), и из метафорического уподобления его референта "спутанной конопле" (*netkel* 245, 254) и "стае птиц" (*tuyal* 245, 254). Об этом же свидетельствуют и употребления *ulus* с атрибутивами и предикативами во мн. ч. (напр., *dürbekset ulus* 'бежавшие люди' 146, *erkit ulus* 'важные люди' 208, *ulus... oljalaldun büle'e* 'люди... грабили друг друга' 254, и др.), подробно анализируемые в диссертации. Однако поскольку само ключевое слово (за исключением синтагмы *ken-ü ulusut* 'чи люди' 180) не принимает формантов мн. ч., автор находит возможным включить его в категорию "имен совокупностей", у которых значение множественности лишено морфологического выражения¹⁶.

В подтверждение такой экстенциональной интерпретации лексемы *ulus* приводится обширный класс примеров ее контекстной взаимозаменяемости (корреспондентности) с другим названием для людей – словом *irgen* (о нем см. гл. 2). Обе лексические единицы были способны замещать друг друга в тех условиях, когда интенциональные различия между ними оказывались несущественными (т. е. там, где сообщение делалось о "людях" без всяких дополнительных уточнений); по семантической классификации лексики их можно отнести к квазисинонимам. Они также объединялись в сложное слово *ulus irgen*, засвидетельствованное в ТИМ 8 раз. В пределах этого лексического бинорма происходила нейтрализация их интенциональных компонентов, и они начинали функционировать как единое семантическое целое.

Установленный здесь экстенциональный компонент в точности совпадает с первой из альтернативных трактовок слова *ulus*, вынесенных в название главы. Но в среднемонгольском языке имелось несколько слов, выражавших понятие 'люди', и чтобы понять, какой спецификой ключевое слово обладало по сравнению с ними, следует выявить его интенциональные особенности – свойство или свойства, которые оно приписывало множеству своих референтов. Этому посвящена оставшаяся часть главы.

Заслуживает внимания необычайно высокая частотность употреблений лексемы *ulus* с показателями принадлежности – возвратно-притяжательным суффиксом {*baŋ*}, притяжательными местоимениями (*minu* 'мой', *cinu* 'твой', *inu* 'его', *танu* 'наш', *анu* 'их') и родительным принадлежностью (*genitivus possessivus*). Они охватывают 51 из 103 т. е. 49, 5 % всех вхождений *ulus* в ТИМ. Отсюда можно умозаключить, что в семантике данной лексемы была заложена идея принадлежности ее референта лицу, которому соответствовала синтаксическая роль субъекта притяжания. Если обозначить указанное лицо через X, интенциональный компонент значения *ulus* допустимо представить как 'принадлежащий X-у'. При этом следует иметь в виду, что владельцем людей-*ulus* на страницах ТИМ, как правило, высту-

¹⁶ Дефиницию и критерии выделения имен совокупностей см. в работе: Семантика и категоризация. М., 1991. С. 147-152.

пает какой-либо кочевой лидер: прежде всего, сам Чингисхан, помимо него, кэрэйтские Онг-хан и Джака-гамбу, тайчи'утские Таркутай-Кирилтук и А'учуба'атур, мэркинский Токто'а-бэки, найманские Гурбэсү-хатун и Гучулулук-хан, друг-соперник Чингиса Джамука и младший брат Отчигин. Коротко говоря, посессорами *ulus* являлись представители правящей верхушки кочевых групп, т. е. владетель *ulus* по социальному статусу всегда был выше тех, к кому осуществляло референцию рассматриваемое здесь слово. Напрашивается вывод, что концепт 'принадлежность', когда он относился к людям, понимался носителями среднемонгольского языка скорее в смысле политической зависимости. Вероятно, по этой причине слово *ulus* часто встречается в объектной позиции при глаголах осуществления власти: *mede*= 'управлять', букв. 'знать' (121, 164, 167, 180, 245, 245, 270, 270) и *bari*= 'управлять', букв. 'держат' (189, 244, 270). Такая сочетаемостная особенность была нехарактерна для других среднемонгольских существительных, обозначающих людей (например, для слова *irgen*).

Соединив вместе экстенциональный и интенциональный компоненты, можно приписать лексеме *ulus* следующее семантическое толкование:

X + {un} ULUS 'люди, принадлежащие X-у'.

По мнению автора, в этом значении ключевое слово употреблялось во всех релевантных контекстах ТИМ.

С целью проверки адекватности своего толкования диссертант обращается к материалу СМТ и на многочисленных примерах демонстрирует отсутствие существенных различий в дистрибуции обсуждаемого слова. Экстенционал и интенционал лексемы *ulus*, по-видимому, не подверглись ощутимым изменениям на всем протяжении среднемонгольского периода. Следовательно, первая из отмеченных выше исследовательских трактовок *ulus* = 'люди' в принципе достоверно отображает понимание данного слова средневековыми монголами, но не исчерпывает его: это понимание включало в себя не менее важный интенциональный компонент, впервые эксплицированный в ходе настоящего анализа.

Во второй главе "**Социальная группа и ее название в среднемонгольском языке: понятия *irgen* и *oboq***" осуществляется семантический анализ слов *oboq* и *irgen*, выявляются ассоциированные с ними культурные концепты.

Слова *oboq* и *irgen* находятся в центре современных научных дебатов об устройстве средневекового монгольского общества. Как и в случае с *ulus*, их интерпретация испытала на себе значительное влияние теоретических моделей, использовавшихся для описания этого общества. В главе обозреваются основные варианты трактовки их значения: *oboq* – "род" (Б. Я. Владимирцов, Д. Гонгор, Т. Д. Скрынникова), "племя" (О. Прицак), "народ, нация" (Г. Дёрфер), "племенная генеалогическая организация" (Э. Э. Бэкон), "кочевая община" (Г. Е. Марков); *irgen* – "племя" (Б. Я. Владимирцов, Т. Д. Скрынникова, Г. Е. Марков), "союз племен" (О.

Прицак), "государство, сограждане" (Г. Дёрфер), "рядовые члены рода" (Д. Гонгор), "примкнувшие к племени последователи" (Э. Э. Бэкон). Все перечисленные трактовки тем или иным образом соотносятся с родоплеменной гипотезой – важнейшим теоретическим инструментом объяснения монгольского общества доимперской эпохи. Автор ставит под сомнение применимость этой гипотезы к истолкованию ключевых слов; для экспликации выражаемых ими наивных представлений необходимо провести их семантический анализ без апелляции к предзаданным аналитическим конструктам, опираясь на контексты употребления данных слов в среднемонгольских памятниках. Опыт подобного рода анализа представлен в нижеследующем изложении.

Слово *oboq* встречается в ТИМ всего 22 раза, из них ни одного в свободной позиции. Оно выступает исключительно в сочетании с аффиксом {tu} и его коррелятом множественного числа {tan} (напр., *dörben oboqtan bolju dörben irgen tede bolba* 11 'Став теми, кто имеет *oboq* дөрбэн, они стали людьми дөрбэн'). Наиболее частотную категорию составляют употребления связанных форм *oboqtu* и *oboqtan* в функции предикативных членов при глаголе *bol*= 'стать'. Выражение *X Y+{tu}* (мн. ч. {*tan*}) *bol*= в среднемонгольском языке обозначало приобретение X-ом Y-а, причем на X и Y не накладывалось никаких семантических ограничений. Оно не могло использоваться в тех случаях, когда речь шла о принадлежности X-а к Y-у, где Y замещался именем некоторой социальной единицы. Напротив, оно описывало ситуацию, диаметрально противоположную с точки зрения направления отношений принадлежности, в которой X выполнял роль субъекта, а Y – объекта обладания. Свой вывод автор иллюстрирует всеми случаями употребления этого выражения в ТИМ.

Отсюда вытекает, что слово *oboq* вряд ли могло быть термином для какого-либо социального сегмента, вопреки мнению сторонников "родоплеменной" интерпретации. Все, что устанавливается с достоверностью, это то, что оно входило в класс имен предметов и свойств, которых можно было "иметь". Примечательно также, что оно дважды встречается в конструкции с глаголом *bol<u>qa*= 'каузировать статью' (*tere jewüredei-yi... jewüreyit oboqtu bol<u>qaju* 44 'этого Джэвүрэдэя... сделали тем, кто имеет *oboq* джэвүрэйит'; *qacula-yin kö'ün... barulas oboqtan bolqaju* 46 'сыновей Качулы... сделали теми, кто имеет *oboq* барулас'). В таких контекстах особенно трудно понимать данное слово как обозначение той или иной социальной единицы.

Дистрибуция лексемы *oboq* исчерпывается вышеперечисленными типами окружений. Вывести на основании этой скудной сочетаемости ее вероятное значение в высшей степени проблематично. Выход из создавшегося затруднения предлагает еще одна сочетаемостная особенность ключевого слова: оно всегда имеет в препозиции отличительное название некоторой группы людей. Эти названия есть смысл перечислить списком: *qonilar* (9), *jadaran* (40), *dörben* (11), *menen-ba'arin*

(41), *belgünüt* (42), *bügünüt* (42), *qatagin* (42), *salji'ut* (42), *borjigin* (42), *jewüreyit* (44), *noyakin* (46), *barulas* (46, 46), *buda'at* (46), *adargin* (46), *uru'ut* (46), *mangqut* (46), *tay-ici'ut* (47), *besüt* (47), *oronar* (47), *qongqotan* (47), *arula[ʃ]* (47), *sónit* (47), *qabturqas* (47), *geniges* (47), *yürki* (49), *jürkin* (139), *qurumsi* (263). Каждое из них относилось к какой-либо политически самостоятельной кочевой группе, а модифицируемое ими слово *oboq*, по всей вероятности, выполняло функцию гиперонима (родового понятия) по отношению к ним ко всем. В таком случае можно постулировать для него гипотетическое обобщающее значение типа 'групповое название'. Диссертант обращает внимание на то, что ранее аналогичную точку зрения высказывал польский ученый С. Калужинский¹⁷. Она вполне согласуется с тем обстоятельством, что субъектом обладания при *oboq* всегда является либо определенная совокупность людей, либо отдельный индивид в качестве основателя и первого лидера группы (напр., *bodoncar borjigin oboqtan bol<u>ba* 42 'Бодончар стал теми, кто имеет *oboq* Борджигин').

Однако имеются убедительные свидетельства того, что выявленное значение было у *oboq* не единственным. В ряде контекстов обладателями *oboq* названы не все участники соответствующего кочевого образования, а только правящая верхушка. Класс X-ов в предикатном выражении X Y *oboqtu* (*oboqtan*) *bol*= (*bol<u>qa*=) нормально образуют имена членов руководящей элиты разного рода групп, а предложения вроде того, которым завершается предыдущий абзац, описывают обстоятельства закрепления за ними особого отличительного названия (Y). Итак, наряду с широким значением 'название некоторой группы' слову *oboq* было присуще более узкое 'название тех, кто управляет некоторой группой'. Автор полагает, что с диахронической точки зрения первое значение явилось результатом метонимического расширения второго, хотя статистическое обследование употреблений отдельных гипонимов ключевого слова (т. е. конкретных групповых названий) в ТИМ дает для первого значения существенно более высокий индекс частотности. В соответствии с диахроническим критерием определяется следующая иерархия значений леммы *oboq*:

- X ОВОQ 1. 'название тех, кто управляет какой-либо общностью людей';
2. 'название какой-либо общности людей'.

Остается открытым вопрос, почему слово *oboq* как самостоятельная лексическая единица (не учитывая его гипонимов) имеет такой незначительный по сравнению с другими рассмотренными здесь социальными терминами показатель частотности. В СМТ данное слово почти не засвидетельствовано; автором выявлено всего 4 случая его употребления.

* * *

¹⁷ Kałużynski S. Zum Begriff *obo* in der "Geheimen Geschichte der Mongolen" // *Gedanke und Wirkung: Festschrift zum 90. Geburtstag von Nikolaus Poppe* / Hrsg. von W. Heissig und K. Sagaster. Wiesbaden, 1989. S. 189-195.

Слово *irgen* встречается в ТИМ 246 раз. Это наиболее частотный среди всех социальных терминов среднемонгольского языка. Если исключить из рассмотрения референциально непрозрачные контексты, из которых невозможно вывести семантические свойства слова, на основании его дистрибуции сравнительно легко устанавливается экстенциональный компонент его значения.

Итак, *irgen* может "просить" у кого-либо что-либо (*quyu*= 29), "спрашивать" (*asaq*= 29), "отвечать" (*üğüle*= 35) и вообще "говорить" (*ke'e*= 67, 146, 189, 190, 265); существительное *irgen* выполняет роль субъекта при глаголах "вспоминать" (*durat*= 67), "замышлять недоброе" (*oyisulad*= 67), "бояться" (*ayu*= 249, 277), "сердиться" (*kiliingla*= 270) и "быть очень довольным" (*kibqang*= 272); оно реализует объектное место при предикатах физической ликвидации: "прикончить" (*muqtqa*= – *maqutqa*= 153, 208, 268, 281), "вырезать" (*kidu*= 154, 154, 214), "убить" (*ala*= 154, 200, 214), "уничтожить" (*ülitke*= 214, *ügei bolqa*= 268); но *irgen* и сам способен "убивать" (*ala*= 254), "умерщвлять" (*ükü'ül*= 189, 200) и "губить" (*bara*= 133, 154, 266) кого-либо, а также "умирать" (*ükü*= 270) без всякой каузации; *irgen* имеет "грудь" (*ebür* 113), "печень" (*helige* 113, 275), "одежду" (*qubcasu* 189) и "имя" (*nere* 203); его характеризуют предикативные словосочетания "растить своих дочерей" (*ökid-iyen ösge*= 64), "не доить своих кобыл" (*ge'üd-iyen ülü sa'a*= 145), "привыкнуть к мечу и копью" (*üldü jida-tur dadu*= 170), "клясться" (*aman kelen alda*= 199), "не выполнять обещания" (*üge-tür ülü gür*= 268); у *irgen* могут быть "родители" (*eke esige* 268), "внучки по женской линии" (*je'e* – *jé* 64, 176), "дочери" (*öki(n)* 54, 64, 176); *irgen* выступает субъектом действий "подчиниться" (*else*= 176, 176, 176, 241) и стать "мятежным" (*bulqa* 176, 241, 275); его каузируют "страдать" (*jobo'a*= 279) и "бояться" (*ayu'ül*= 200), подвергают запрету "смеяться" над кем-либо (*bu ine'e'ül*= 255).

Эти и ряд других примеров недвусмысленно свидетельствуют о том, что слово *irgen*, как и *ulus*, являлось обозначением для людей. Анализ его сочетаемостных характеристик приводит к заключению, что *irgen* именовало нечто исчислимое и делимое, некоторое множество, состоящее из отдельных единиц; вместе с тем, оно не выражало значение мн. ч. в своей морфологической структуре. Следовательно, вместе со своим квазисинонимом *ulus* оно может быть причислено к категории имен совокупностей.

Помимо экстенционала, ключевое слово обладало своими интенциональными особенностями, определение которых требует обращения к специфичным для *irgen* контекстам употребления, раскрывающим эти особенности с максимальной полнотой. В качестве такого рода контекстов выступает обширная группа примеров, в которых референту *irgen* приписывается способность к коллективным действиям. На страницах ТИМ *irgen* действует как коллективный субъект речи, субъект и контрагент матримониальных операций, объект военных действий, субъект и объект мести, субъект обещания. По-видимому, именно в данных употреблениях отражаются те интенциональные свойства, которые монголы мыслили в

понятии *irgen*. Указанные свойства целесообразно суммировать под смыслом 'общность'. Следует подчеркнуть, что концепт 'общность' понимался носителями среднемонгольского языка довольно расплывчатым образом. Определение 'общности' не основывалось на каких-либо необходимых внешних критериях; скорее, оно имело опорой субъективную убежденность некоторого круга лиц в своей совместной принадлежности к одному социальному объединению, между членами которого в идеале должны были существовать тесные взаимоотношения. Эта субъективная убежденность находила языковое выражение в факте совместной встречаемости слова *irgen* с формами личного местоимения 1-го лица мн. ч. *ba* (31, 63, 64, 249, 249, 265). Особенностью употребления "эксклюзивного" местоимения *ba* (в противоположность его "инклюзивному" корреляту *bida*) было то, что его сфера референции исключала адресата речи. Границы референции *ba* совпадали с границами общности, к которой в момент речи причислял себя говорящий. С данной общностью и соотносилось понятие *irgen*. Вследствие этого экстенционал у него являлся крайне размытым, варьирующим в зависимости от социальной ситуации (так же, как и круг тех, кого говорящий называл "мы").

Автор полагает, что в толковании леммы *irgen* должны получить отображение как идея общности, так и идея субъективного осознания общности. Кроме того, сопоставление *irgen* с другим членом группы названий для людей – *haran* дает возможность включить в интенционал ключевого слова еще один семантический компонент, предположительно имевший вид 'быть лично свободным'. (Детали сравнительного анализа слов *irgen* и *haran* изложены в гл. 3.) Обобщая сказанное, итоговое толкование слова *irgen* выглядит следующим образом: IRGEN 'лично свободные люди, осознающие себя в качестве некоторой общности'.

Сделанное толкование удовлетворительно передает расплывчатость и растяжимость семантического содержания этого слова, благодаря которым оно могло называть совокупность людей любого объема: от немногочисленной акефальной "группы" (*bölök irgen* 5, 8, 28) до такого широкого, политически организованного "воображаемого сообщества", как "монголы" (*mongqol irgen* 189). Что касается отдельно взятого представителя совокупности, для его обозначения в ТИМ и СМТ использовалось существительное *gü'ün* 'человек'.

В главе подробно анализируются смысловые взаимоотношения слов *irgen* и *ulus*, отмеченные в гл. 1, устанавливаются условия нейтрализации и максимального различения их семантических компонентов. К последней категории относятся такие употребления, при которых *ulus* и *irgen* обозначают два некоэкстенсивных подмножества людей, составляющих множество членов некоторого кочевого образования. По-видимому, в контекстах этой категории проводится различие между людьми, входившими в группу на правах непосредственного подчинения ее лидеру (они назывались *ulus*) и людьми, образовывавшими внутри нее отдельные полуав-

тономные единицы во главе с лидерами низшего уровня (они назывались *irgen*). Предложенная интерпретация иллюстрируется рядом примеров из ТИМ. Также отмечается, что обозначение *irgen*, в отличие от *ulus*, могло применяться к правящей верхушке кочевой группы, тогда как *ulus* всегда отсылало к рядовым ее членам. Нейтрализация же семантических различий обоих слов происходила в условиях взаимного пересечения двух классов – класса людей, включенных в отношения политической зависимости, и класса лично свободных людей, действующих в качестве сплоченной, осознающей себя общности. Область пересечения этих классов задавала общий для *ulus* и *irgen* экстенционал. Таким образом, *ulus* и *irgen* становились взаимозаменяемыми тогда и постольку, когда и поскольку они осуществляли референцию к лично свободным людям, объединенным в общность (компоненты, релевантные для *irgen*) и одновременно состоящим в зависимости от какой-либо властной инстанции (компонент, релевантный для *ulus*).

Приведенное выше толкование имеет силу и для употреблений лексемы *irgen* в СМТ. Единственное, что в данной связи заслуживает внимания, это то, что к концу XIV в. ключевое слово претерпело своего рода сужение экстенционала, выразившееся в исключении из него представителей властной верхушки. Оно стало так же маркированным по социальному статусу, как и уже обсуждавшееся слово *ulus*. Но изменения в экстенционале, по-видимому, не сказались на интенциональных свойствах *irgen*. По крайней мере, диссертант не располагает никакими определенными данными на этот счет.

Из всего изложенного явствует, что традиционная трактовка слов *oboq* и *irgen* в терминах родоплеменной гипотезы едва ли может быть признана обоснованной. В рассмотренных словах заключены чрезвычайно идиосинкретичные понятия, которые имеют мало общего с такими теоретическими конструктами, как "род", "племя", "союз племен" и т. п. Автор надеется, что его анализ побудит к разработке новых, более адекватных трактовок социальной терминологии среднемонгольского языка.

В третьей главе "Понятия *uquq* и *hagan*: идея происхождения и идея службы как элементы монгольской средневековой концепции общества" представлен семантический анализ слов *uquq* и *hagan*, целью которого служит экспликация воплощенных в них культурных концептов.

Слова *uquq* и *hagan* получили в монголоведении неодинаковое освещение. Значение лексемы *hagan* в диссертации подробно разбирается впервые; ему посвящена вторая часть главы. Относительно значения *uquq* существуют несколько точек зрения: "родственник, родной, сородич", "потомок" (Б. Я. Владимирцов); "небольшая правящая семья" (О. Прицак); "род", "потомство" (Г. Дёрфер); "патрилиннейное кровное родство", "потомок", "род", "линидж" (Т. Д. Скрынникова); "родственник", "потомок" (Э. Э. Бэкон); "племенное подразделение или колено" (Г. Е.

Марков). По мнению автора, ни одна из приведенных версий в точности не отвечает тому представлению, которое ассоциировали со словом *uruq* средневековые монголы. Точное описание этого представления требует опоры на углубленный семантический анализ, исходящий из употреблений ключевого слова в текстах. Такой анализ и составляет первую часть настоящей главы.

Слово *uruq* встречается в ТИМ 73 раза. Оно имеет сравнительно высокий для социального термина индекс частотности, что свидетельствует о важности заключенного в нем понятия в глазах носителей среднемонгольской ЯКМ. Рассмотрение группы однотипных контекстов (напр., *sayin gū'ün-ü kō'ün aju'u-je huja'ur sayitu gū'ün-ü uruq buyu-je* 135 '[Это], наверное, сын хорошего человека. Наверное, *uruq* человека с хорошим происхождением') показывает, что это слово обозначало определенное отношение между двумя объектами: его собственным референтом и референтом модификатора, выраженного в процитированном примере дескрипцией *huja'ur sayitu gū'ün* 'человек с хорошим происхождением'. Следовательно, как и всякое имя отношения, *uruq* должно зачисляться в категорию предикатных слов (слов с предикатным значением).

Для слов-предикатов существует особый формат семантического описания, учитывающий специфику их смыслового устройства. Считается, что любой предикат задает некоторую ситуацию (сцену), участники которой, т. е. те, кто вступает в данное отношение, именуются семантическими актантами. При толковании предикат представляется в виде пропозициональной функции (выражения), а актанты называемой им ситуации вводятся в толкование с помощью переменных (семантических валентностей). Соответственно, объект обозначения слова *uruq* надлежит рассматривать как ситуацию с двумя актантами (участниками), валентность одного из которых заполняется самим ключевым словом, тогда как валентность второго реализуется синтаксически зависимым именем или местоимением. Какими же свойствами обладали участники ситуации *uruq* и какого рода отношение их объединяло? На основе изучения ряда примеров автор приходит к выводу, что слово *uruq* задавало ситуацию, которую можно назвать ситуацией 'происхождение'. В этой ситуации имелось два необходимых и достаточных участника, или семантических актанта: тот, кто происходит (обозначим его через X) и тот, от кого происходят (обозначим его через Y). В рассмотренных примерах субъект ситуации (актант, соответствующий X-у) выступает референтом самого ключевого слова, а валентность Y-а (будем называть его исходной точкой, или источником, ситуации) синтаксически выражается либо существительным или местоимением в генитиве, либо возвратно-притяжательным суффиксом {*ban*} (напр., *okin urug-lyan soyurqal ögüya* 215 'Дам пожалование своим девичьим *uruq*'). Число промежуточных поколений, отделявших X-а от Y-а, для семантики лексемы *uruq*, по-видимому, было нерелевантно. Субъект ситуации *uruq* не был маркирован ни по полу, ни по числу. Что касается Y-а, ему также мог соответствовать как отдельный индивид, так и не-

которое множество. Однако на пол Y-а предположительно накладывались ограничения: как правило, валентность источника заполняется именами лиц мужского пола.

Сказанное позволяет представить значение слова *uruq* в виде выражения 'X происходит от Y-а'. Назовем соответствующую ситуацию ситуацией А. Это не единственная ситуация, которую обозначало ключевое слово. Другая, более сложная ситуация актуализируется в тех контекстах, в которых валентность Y-а не отвечает роли источника ситуации, хотя на синтаксическом уровне оформляется точно так же (напр., *dörben ko'üt... doḅun-mergen abaqa-yu'an uruq-a ülü bolqan* 11 'Четверо сыновей... не считали своего дядю по отцу *uruq*', где роль Y-а выполняют сыновья брата X-а). Если X здесь остается субъектом отношения происхождения, то Y никоим образом не может быть назван источником, или исходной точкой, этого отношения – тем, от кого происходит X. Скорее, его следует определять как второго субъекта отношения *uruq*, у которого "форма участия... в ситуации совпадает с формой участия в ней первого субъекта"¹⁸. По сути дела, ситуация, о которой идет речь (будем называть ее ситуацией В), представляет собой результат склеивания двух элементарных ситуаций типа А по общему актанту – предку как X-а, так и Y-а. Для обозначения этого актанта, за которым есть смысл закрепить название источника ситуации, мы введем переменную Z. Таким образом, в ситуации В участвуют тот, кто происходит (X, первый субъект), тот, кто также происходит (Y, второй субъект) и тот, от кого происходят (Z, источник). При переходе от ситуации А к ситуации В валентность Y-а, сохраняя свой номер, меняет содержание: семантическая роль, которая в ситуации А выполнялась Y-ом, в ситуации В переадресуется Z-у. Примечательно, что валентность Z-а ни в одном из употреблений лексики *uruq* в качестве имени ситуации В не получает синтаксического выражения. Впрочем, в семантике не раз обращалось внимание на случаи синтаксической невыразимости некоторых семантических валентностей слов. Свойства участников ситуации В, по мнению автора, должны были повторять свойства семантических актантов ситуации А. К такому заключению приводит тот факт, что ситуация В образовывалась путем склеивания двух ситуаций типа А. В результате источник новой ситуации (Z) предположительно наследовал те свойства, которыми обладал Y в ситуации А, а X-у и Y-у, чьи семантические роли в ситуации В совпадают, должны были предсказываться типовые для отношения происхождения свойства субъектного актанта (о них шла речь выше). Значит, второе значение лексики *uruq* в виде выражения 'X происходит от Z-а, и Y происходит от Z-а'.

Третьим значением обсуждаемого слова было субъект ситуации. В большинстве своих употреблений в 1

¹⁸ Апресян Ю. Д. Избранные труды. М., 1995. Т. 1: Лексическая семантика

именно в качестве актантного существительного с субъектным значением. В обеих разновидностях ситуации 'происхождение' это слово нормально заполняет валентность X-а, предоставляя реализацию других обязательных валентностей синтаксически зависимым словам (или, в случае с Z-ом, нулю). Тем самым оно являет собой пример регулярной полисемии типа 'ситуация' - 'субъект ситуации', детально описанной в структурной семантике. Выделенное третье значение удобнее всего представить в виде дизъюнкции 'субъект ситуации А или первый субъект ситуации В'.

Далее в главе затрагивается вопрос об иерархии перечисленных значений, об их соотношении в рамках семантической структуры лексемы *uruq*. На основании предложенного И. А. Мельчуком критерия большей / меньшей смысловой сложности диссертант находит возможным упорядочить их следующим образом:

1. X Y+{un} URUQ 1. 'X происходит от Y-а';
2. 'X происходит от Z-а, и Y происходит от Z-а';
3. 'субъект ситуации 1 или первый субъект ситуации 2'.

Кроме того, автор обращает внимание на социальную обусловленность экстенционала ключевого слова (отношение между X-ом и Y-ом определялось как *uruq* с согласия заинтересованных членов языкового сообщества), рассматривает семантику конструкции *uruq-un uruq-a gürtele* ('очень', 'совершенно', а также 'постоянно', 'всегда'). Сопоставляя дистрибуцию лексемы *uruq* в ТИМ с ее дистрибуцией в СМТ, он делает вывод, что в текстах, относящихся к категории СМТ, данная лексема выступает исключительно с субъектным значением, а не в функции имени целой ситуации 'происхождение'. По-видимому, здесь можно говорить о своего рода семантическом развитии, которое привело к тому, что актанты указанной ситуации стали соотноситься друг с другом не непосредственно, а через X-а как единственную точку отсчета объединяющего их отношения. В итоге *uruq* лишилось внутренней связи с исходным, ситуационным значением, которое либо вообще утратило лексикализацию, либо было перенесено на другие лексические единицы (вроде *uruyluq* ~ *uru[q]luq*), а актантное значение, напротив, выдвинулось на первый план и заняло в семантической структуре ключевого слова господствующее положение.

* * *

Слово *haran* встречается в ТИМ 48 раз. Оно является средней по частоте единицей среднемонгольской социальной лексики. Взяв за основу совокупность употреблений этого слова, можно без особых затруднений осуществить его экстенциональную интерпретацию.

Итак, *haran* может "гнаться" (*neke*= 91) или "преследовать" кого-либо (*hülde*= 195), а затем "отставать" (*qocor*= 91) и "останавливаться" (*bayi*= 91); *haran* выполняет роль субъекта при глаголах речи (*ke'e*= 'говорить' 100, 111, 168, 224, *kelele*= 'говорить' 229, 229, *hasaq*= 'спрашивать' 100) и объекта при глаголах физической ликвидации (*ala*= 'убивать' 136, *mökön'ül*= 'уничтожать' 149, 149, 200, 200);

он может "преступать" какие-либо распоряжения (*daba*= 224, *joŋice*= 278) и в результате "становиться виновным" (*aldaltan bol*= 203, 224); *haran* способен "замышлять недоброе" (*oyisulat*= 245) и даже "мстить" (*oson hacira*= 111), но, с другой стороны, может "заботиться" о ком-либо (*asara*= 187); *haran* имеет "голову" (*ekit* 229, 278), "лицо" (*cirai* 55, 277), "руки" (*qar* 200), "плечи" (*mürüs* 229), "мысли" (*setkil* 168), а также "одежду" (*qu[b]jan* 136); он может "вставать" (*bos*= 152) и "стоять" (*bayi*= 156, 229); референт слова *haran* можно "удерживать" (*itqa*= 224) и, наоборот, "каузировать расходиться" (*tarqa'ul*= 81); *haran* характеризуется такими действиями, как "приглашать" (*uri*= 168), "плевать" (*nilbu*= 152), "смеяться" (*habqari*= 255); он способен "принимать на веру" что-либо (*ünemsi*= 169) и "возвеличивать себя" (*o'ed-iyen yekejile*= 168); *haran* может "служить" (*yabu*= 224, 224), но в то же время "считать трудной свою службу" (*yabuqui-ban berkesiye*= 224); ему предцируется свойство "быть товарищем" (*пdкöсе*= 149); наконец, его каузируют что-либо "охранять" (*saki'ul*= 246).

Из этих и ряда других контекстов правомерно умозаключить, что ключевое слово имело своим экстенсионалом определенное множество людей. Как и рассмотренные выше лексемы *ulus* и *irgen*, оно являлось именем с неединичной референцией и подпадало под категорию имен совокупностей. Для номинации отдельного элемента его экстенсионала использовалось существительное *gü'ün* 'человек'.

Чтобы эксплицировать интенциональные характеристики лексемы *haran*, в главе подвергаются тщательному изучению ее наиболее специфичные употребления. Отмечается, что в некоторых из них два названия для людей – *irgen* и *haran* противопоставлены по признаку 'свободный', положительное значение которого принимает *irgen*, а отрицательное – *haran*. Отсюда делается предположение, что существенным свойством, входившим в интенционал ключевого слова, являлось свойство 'быть лично несвободным'. Наряду с ним слово *haran* выражало еще одну важную идею. Поскольку оно регулярно встречается в контекстах, где речь идет о той или иной разновидности службы (будь то функции домашней прислуги, солдат или чиновников при правителе), есть веские основания включить в его интенционал также компонент 'служить кому-либо'. Обобщая все изложенное, *haran* имело основное значение 'лично несвободные люди, служащие X-y'.

По всей вероятности, данное значение не было у *haran* единственным. Согласно результатам проведенного анализа, в глазах средневековых монголов *haran* представляло собой обозначение самой низкой по социальному статусу категории людей, отличительной характеристикой которых выступало свойство 'быть лично несвободным'. Такая семантическая особенность ключевого слова вызвала появление у него устойчивой лексической коннотации 'плохие', а она, в свою очередь, привела к образованию нового, метафорически мотивированного значения: 'плохие люди всех категорий'. В этом значении слово *haran* употребляется не

только по отношению к лицам низкого социального положения, но и применительно к представителям правящей элиты, которых говорящий расценивает негативно (напр., в 168 *haran* названы кэрэитский Сэнгум и его родственники, в 55 отец Чингисхана и два его брата, в 245 сыновья Мёнлик-эчигэ). Это же значение объясняет тот факт, что номинация *haran* в ТИМ и СМТ часто прилагается к нарушителям законодательных предписаний без различия их социальных статусов. Следовательно, общую семантическую структуру лексемы *haran* в среднемонгольском языке можно представить следующим образом:

X + {un} HARAN 1. 'лично несвободные люди, служащие X-у'.

Коннотация: 'плохие';

2. 'плохие люди всех категорий'.

В главе также вычленяются пресуппозитивная ('люди' + 'быть лично несвободным') и асертивная ('быть служащим X-у') части первого значения слова *haran*, приводятся определения семантической пресуппозиции и лексической коннотации, необходимые для целей осуществляемого автором анализа. Обоснованность выполненного толкования подтверждается на материале дистрибуции ключевого слова в СМТ.

В **Заключении** намечаются дальнейшие перспективы изучения проблемы и излагаются основные выводы исследования:

- эвристическая ценность полученных результатов состоит в том, что они отражают культурно обусловленное понимание социальных явлений, присущее средневековым монголам. В соответствии с постулатом субъективной интерпретации, это понимание нужно непременно учитывать при построении адекватной научной теории монгольского общества XIII-XIV вв.;
- важное место в наивном сознании носителей среднемонгольской ЯКМ занимали понятия 'люди' (в нескольких разновидностях), 'принадлежность', 'групповое название', 'общность', 'происходить', 'служить', 'лично свободный' / 'лично несвободный', с помощью которых производилась концептуализация наличного социального опыта;
- характерную черту монгольской средневековой концепции общества составляло большое количество понятий для различных категорий людей (из них в диссертации рассмотрены *ulus*, *irgen* и *haran*). Обобщенно говоря, сознание средневековых монголов выделяло в окружающем мире не абстрактные социальные институты (вроде "государства" или "племена"), определяемые по каким-либо строгим формальным критериям, а конкретные и вместе с тем довольно размытые группировки людей, обладающие нечеткими границами и невзаимоисключающим членством. Такие группировки как нельзя лучше отвечали кочевому образу жизни с

характерными для него перманентной мобильностью, повышенной текучестью людского состава и отсутствием устойчивых социальных идентичностей;

- понятия *irgel* и *oboq* в картине мира средневековых монголов соотносились друг с другом как социальная группа и ее особое отличительное название. Само по себе слово *oboq* не может считаться термином для той или иной социальной единицы кочевого общества средневековых монголов; скорее, оно выступало в качестве лексического обозначения социальной идентичности, которую члены этих единиц осознавали и поддерживали в ходе социального взаимодействия. Существенное сокращение числа употреблений лексемы *oboq* в СМТ по сравнению с ТИМ, возможно, было обусловлено политикой руководства Монгольской империи, направленной на конструирование общеимперской политической идентичности и повлекшей за собой снижение роли прежних локальных идентичностей, с которыми ассоциировалось слово *oboq*.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Рыкин П. О. Создание монгольской идентичности: термин "монгол" в эпоху Чингисхана // Вестник Евразии. 2002. № 1 (16). С. 48-84.
2. Рыкин П. О. Создание монгольской идентичности: термин "монгол" в эпоху Чингисхана // Евразия: Люди и мифы / Отв. ред. С. А. Панарин. М., 2003. С. 240-276.
3. Рыкин П. О. Монгольская концепция родства как фактор отношений с русскими князьями: социальные практики и культурный контекст // Mongolica-VI: Сб. ст. СПб., 2003. С. 28-38.